

В.Н. Турбин

«Три пальмы»

Темы и образы баллады Лермонтова «Три пальмы» (1839) — поверженной красоты, гибельности соприкосновения с «другим» миром и др. — включаются в систему позднего балладного творчества поэта. Роковое свершение в «Трех пальмах» протекает в условных пределах «аравийской земли» (условность оговорена подзаголовком «Восточное сказание»). При стилизованной географической и этнографической точности баллады события даны здесь вне временных координат.

Ряд образов «Трех пальм» находит продолжение в балладе «Спор» (1840). В обеих балладах присутствует мотив «беспечного», хотя в то же время и утилитарного, прагматичного отношения человека к природе. Однако обе баллады имеют в виду и трагическое столкновение их «героев» с законами бытия, скрытыми от их духовного взора, выходящими за пределы их понимания (отсюда провиденциально неоправданный ропот пальм на бога).

«Три пальмы» лежат в сфере художественных медитаций Лермонтова о красоте и смерти. В балладе «Тамара» дан образ красоты умерщвляющей, в «Трех пальмах» — красоты умерщвляемой: «Изрублены были тела их потом, / И медленно жгли их до утра огнем»; фольклоризованный вариант той же идеи — баллада «Морская царевна». Уничтожение красоты в «Споре» — вынужденное, закономерное следствие прогресса; в «Трех пальмах» — сложнее: уничтожение — следствие стремления красоты как бы превзойти самое себя, соединиться с пользой. Лермонтов не отвергает возможности такого сопряжения, но тревожно размышляет о его не поддающихся предвидению последствиях. В балладе по-новому преломился лермонтовский мотив жажды действия: бездейственное бытие рисуется поэтом как бесплодное и гибельное для самих пальм: «И стали уж сохнуть от знойных лучей / Роскошные листья и звучный ручей». Но в отличие от других стихов, где вина за неисполнимость или трагические последствия какого-либо «свершения» возлагалась на враждебный герою мир, здесь и сама жертва разделяет виновность в своей гибели вместе с чуждым ей человеческим миром: аллегорическая балладная атмосфера стихотворения допускает различные толкования: шествие каравана передано как естественное, стихийное движение; но оно может быть прочитано также и как роковой ответ на ропот трех пальм; художественное решение этой философской темы воплощается у Лермонтова в антитезе «звук» — «безмолвие».

По основному сюжетному мотиву (ропот пальм на бога), стиху (4-стопный амфибрахий), по строфике (шестистишие типа ааВВсс) и ориентальному колориту лермонтовская баллада соотносится с IX «Подражанием Корану» Пушкина. Связь эта носит полемический характер. Стихотворение Пушкина оптимистично, оно запечатлевает легенду о совершившемся в пустыне чуде; усталый путник погружается в смертный сон, но он пробуждается, и вместе с ним пробуждается обновленный мир:

И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

Чудесному возрождению у Пушкина Лермонтов противопоставляет опустошение:

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит.

Более ранний источник стихотворений и Пушкина, и Лермонтова — «Песнь араба над могилою коня» Жуковского (1810). Так же, как «Три пальмы» Лермонтова и IX стихотворение «Подражаний Корану» Пушкина, «Песня» написана 4-стопным амфибрахийем; действие происходит в пустыне. Араб, оплакивая убитого в бою коня, верит в то, что он и конь, его друг, встретятся после смерти.

Основные мотивы-реалии всех трех стихотворений идентичны: араб — пустыня — прохладная тень — конь (у Пушкина сниженно — «ослица»). Но, полемизируя с Пушкиным, Лермонтов одновременно задевает и «Песнь...» Жуковского. Араб в стихотворении Жуковского творит зло, и смерть коня можно рассматривать как возмездие за совершенное убийство врага. Еще большее зло творит в «Трех пальмах» араб, но, в отличие от героя Жуковского, его не настигает возмездие: беспечный араб и его конь полны жизни: «И, стан худощавый к луке наклона, / Араб горячил вороного коня». Таким образом, «Три пальмы» (если рассматривать стихотворение Лермонтова в «обратной перспективе, как произведение единого литературного процесса в русской литературе первой половины XIX в.), вопреки хронологии, оказываются своеобразным «предисловием» к «Песне...» Жуковского: события «Трех пальм» словно предваряют трагедию, постигшую его героя.

В 1826 в журн. «Славянин» (№ 11) появилось стихотворение П. Кудряшова «Влюбленный араб». Араб восхищается своим конем:

Он рвался, он мчался, он вихрем летал...
Песок за летучим горою вставал!

...

Я мчался противу врагов разъяренных.
Удар топора и удар булавы
Ложились смертельной грозой на главы!

Но араб увидел красавицу-девушку и забыл о коне:

Как юная пальма, так дева стройна;
Волшебной красою пленяет она.

Ориентация Кудряшова на Жуковского несомненна. Он подражателен и не претендует на самостоятельность. Однако не исключена возможность, что и его стихотворение отозвалось в балладе Лермонтова, обладавшего исключительной литературной памятью: ряд речевых оборотов и мотивов баллады (удар топора, образ юной и стройной пальмы и т. п.) ближе всего именно к мотивам стихотворения П. Кудряшова.

Таким образом, Лермонтов завершает сложившийся в русской лирике цикл условно-ориенталистических стихов, у истоков которого стоит Жуковский. «Три пальмы» — последнее слово в почти 30-летнем поэтическом соревновании, в котором участвовали и классики, и поэт-дилетант. Подобное стремление завершить некую линию развития поэзии для Лермонтова характерно. Балладу высоко оценил Белинский: «Пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок — сливаются в этой пьесе поэзию с живописью».